

В. И. Петрушко

К вопросу об основании митрополитом Кириллом II епископских кафедр в Сарае и Твери

УДК 271.2-9+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2024_4_73
EDN MUSMOT

Аннотация: В статье рассматривается ряд обстоятельств, при которых митрополит Киевский Кирилл II учредил в Русской Церкви Сарайскую и Тверскую епархии, что позволяет во многом по-новому оценить факт появления в Русской Церкви новых епископских кафедр и высказать ряд предположений относительно характера церковно-государственных отношений на Руси во второй половине XIII в. и взаимоотношений Русской митрополии с Константинопольской патриаршей кафедрой в указанный период.

Ключевые слова: Русская Церковь, Русская митрополия, митрополит Кирилл II, Полоцкая епархия, Тверская епархия, Сарайская епархия, Переяславская епархия, епископ Полоцкий (Тверской) Симеон, епископ Сарайский Митрофан, епископ Сарайский Феогност, Владимирский Собор 1273 г.

Об авторе: **Владислав Игоревич Петрушко**

Доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: vp@sedmitza.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1542-5546>

Для цитирования: Петрушко В. И. К вопросу об основании митрополитом Кириллом II епископских кафедр в Сарае и Твери // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 4 (28). С. 73–85.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 10.07.2024.

Vladislav Petrushko

On History of Establishment of Sarai and Tver Episcopal Sees by Metropolitan Kirill II

UDK 271.2-9+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2024_4_73
EDN MUSMOT

Abstract: Some circumstances are considered under which Metropolitan Kirill II of Kiev established the Sarai and Tver dioceses in the Russian Church. The study makes it possible to give a largely new assessment of the emergence of the new episcopal sees in the Russian Church and make a number of assumptions regarding the nature of church-state relations in Rus' in the second half of the 13th century, as well as the relationship of the Russian Metropolitanate with the Patriarchal See of Constantinople in this period.

Keywords: Russian Church, Russian Metropolis, Metropolitan Kirill II, Polotsk Diocese, Tver Diocese, Sarai Diocese, Pereyaslav Diocese, Bishop of Polotsk (Tver) Simeon, Bishop of Sarai Mitrofan, Bishop of Sarai Theognost, Vladimir Council (1273).

About the author: **Vladislav Petrushko**

Doctor of Church History, PhD in History, Professor at the Department of General and Russian Church History and Canon Law of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University.

E-mail: vp@sedmitza.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1542-5546>

For citation: Petrushko V. On History of Establishment of Sarai and Tver Episcopal Sees by Metropolitan Kirill II. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2024, No. 4 (28), p. 73–85.

The article was submitted 18.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Время основания Тверской епископской кафедры не нашло своего отражения ни в летописных, ни в иных источниках, в связи с чем историки продолжают строить догадки на сей счет. В частности, М. В. Печников в качестве даты основания Тверской епископской кафедры указывает 1271 г., не приводя, однако, в пользу такой датировки никаких аргументов¹. В свою очередь, Е. Л. Конявская утверждает, что Тверская епископия была учреждена «не позднее второй половины 1270 г., в конце которого Ярослав уехал в Орду, и едва ли ранее 1264 г., когда тверской князь получил великокняжеский владимирский стол, поскольку основать в Твери епископию и призвать епископа Ярослав Ярославич мог именно в статусе великого князя»².

Между тем, для митр. Кирилла II, в силу политических обстоятельств, обусловивших его переезд в пределы Северо-Восточной Руси и переход от тесных взаимоотношений с князем Даниилом Романовичем Галицким к союзу с великим князем Владимирским Александром Ярославичем Невским, было принципиально важно находиться при особе великого князя Владимирского³. По этой причине с высокой долей вероятности можно допустить, что со времени, когда Ярослав Ярославич Тверской стал великим князем Владимирским, свт. Кирилл подолгу пребывал вместе с ним не только во Владимире-на-Клязьме, но и в Твери⁴ и, вероятно, основал там одну из своих резиденций, подобно тому, как это впоследствии сделал свт. Петр в Москве. Аналогичным же образом Тверь во 2-й половине 1260-х гг. стала обретать черты неформального церковного центра Руси. Представляется, что по этой причине Полоцкий еп. Симеон в указанный период не мог находиться в Твери и тем самым положить начало Тверской епархии.

Симеоновская летопись сообщает, что еп. Симеон привез тело умершего по дороге из Орды в конце 1271 г. великого князя Владимирского Ярослава Ярославича в Тверь, где возглавил его погребение⁵. Следует отметить, что владыка Симеон при этом не назван в летописи ни Полоцким, ни Тверским. Думается, что это не случайно, так как статус этого епископа в то время, скорее всего, был неопределенным.

Маловероятно, что Симеон был епископом Полоцким домонгольского рукоположения: против этого может свидетельствовать весьма поздняя дата его кончины — 1289 г.⁶, при этом следует учитывать, что во епископы в то время, как правило, не рукополагали лиц моложе 40 лет. Поставление Симеона на Полоцкую кафедру, вероятно, совершил уже митр. Кирилл II.

Как известно, Полоцкое княжество после смерти князя Брячислава Васильковича вошло в полосу нестроений — за обладание им шла борьба между несколькими

¹ Печников М. В. К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 97–107.

² Конявская Е. Л. Первые Тверские епископы и первые тверские монастыри // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023 № 1 (91). С. 68–73.

³ Подробнее см.: Петрушко В. И. Проблема иерархического возглавления Русской Церкви в контексте межкняжеских отношений после монгольского завоевания Руси // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 1–20.

⁴ М. В. Печников в этой связи справедливо указывает на то, что поставление на Владимирскую кафедру еп. Серрапиона в 1273 г. было обусловлено тем, что к этому времени Владимир-на-Клязьме, где до этого на протяжении почти четверти века находилась резиденция митр. Кирилла II, «перестал быть фактическим центром великокняжеской власти, который перемещался то в Тверь, то в Кострому, то в Переяславль Залесский» (Печников М. В. К изучению соборных правил 1273 г. С. 97–107).

⁵ ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 74 (о том же говорится в реконструированном М. Д. Приселковым тексте Троицкой летописи (Присёлков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 331).

⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 81–82.

претендентами, одним из которых был литовский князь Товтивил. Между тем, известно, что в 1250 г. во время пребывания Товтивила в Риге он перешел из Православия в католичество⁷. Фактически Товтивил был ставленником Ливонского ордена. Можно предположить, что именно данное обстоятельство могло послужить причиной вынужденного отъезда еп. Симеона из Полоцка в период, когда там начал княжить Товтивил. Тем не менее, какое-то время еп. Симеон все-таки осуществлял реальное управление Полоцкой епархией, о чем свидетельствует написанное им «Наставление» Полоцкому князю Константину Безрукому⁸, личность которого, однако, не поддается четкой идентификации, равно как и время его княжения в Полоцке и, следовательно, время пребывания там Симеона.

В любом случае, очевидно, что еп. Симеон в какой-то момент был вынужден покинуть свой кафедральный Полоцк. Но при этом пристанище он нашел, как можно думать, не в Твери, а во Владимире-на-Клязьме, где княжил Александр Ярославич Невский, женатый, как известно, на дочери Брячислава Васильковича Полоцкого — Александре⁹. Связи с бывшей Полоцкой княжной и ее окружением могли стать основанием для переезда еп. Симеона в Владимир, где он, однако, долгое время оставался архиереем без собственной епархии.

Е. Л. Конявская совершенно справедливо обратила внимание на то, что великий князь Ярослав Ярославич уезжал «в татары» не из Твери, а из Владимира¹⁰. В связи с этим было бы логично предположить, что находившийся в то время во Владимире еп. Симеон мог войти в состав свиты великого князя Владимирского и сопровождать его в поездке в Орду, в связи с чем он потом участвовал в перенесении в Тверь тела умершего в пути князя. Впрочем, из летописного текста неясно, откуда именно еп. Симеон привез останки Ярослава Ярославича в Тверь. Не исключено, что он мог встретить тело почившего великого князя во Владимире и уже оттуда везти его в Тверь. Тем не менее, в любом случае первоначальное местопребывание покинувшего Полоцк еп. Симеона следует связать именно с Владимиром-на-Клязьме.

С кончиной великого князя Ярослава Ярославича Тверь закономерно утратила характер временного местопребывания митрополита. Однако стремительно возросшее значение этого города и необходимость «трудоустроить» еп. Симеона, который за время пребывания Ярослава на великом княжении, вероятно, укрепил свои связи с Тверской княжеской семьей, могли побудить митр. Кирилла учредить в Твери епископскую кафедру и поставить на нее бывшего Полоцкого архиерея, что произошло, скорее всего, не ранее 1272 г.

* * *

Если точное время учреждения епископской кафедры в Твери остается неизвестным, то с основанием епископии в столице Улуса Джучи — городе Сарае — определенности намного больше. Летописец вполне однозначно сообщает, что «постави митрополит Митрофана епископом Сараю» в 1261 г.¹¹

Традиционно считается, что главными причинами основания Сарайской епархии свт. Кириллом II было наличие в Орде множества русских невольников, частые приезды русских князей в ставку хана, а также определенные надежды на обращение

⁷ Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi*. Krolewiec, 1582, s. 327.

⁸ Наставление Тверского епископа Семена // ПЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 394–395.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 289.

¹⁰ Конявская Е. Л. Первые Тверские епископы и первые тверские монастыри. С. 68–73.

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 144.

монголов в Православии¹². Не отвергая подобной точки зрения, тем не менее, позволим себе обратить внимание на ряд иных обстоятельств, которые, как представляется, также могли оказать существенное влияние на решение митрополита Киевского Кирилла II учредить Сарайскую епископскую кафедру.

Прежде всего, следует отметить, что дата основания Сарайской епископии — 1261 г. — совпадает со временем восстановления Михаилом VIII Палеологом контроля над Константинополем и воссоздания Византийской империи¹³. Вслед за этим последовало восстановление Константинопольской патриархии на ее историческом месте. В связи с этим можно было ожидать более активной политики Константинопольских патриархов и усиления их влияния по отношению к тем поместным Церквям, которые обрели фактическую автокефалию или автономию в условиях крайнего ослабления Константинопольской патриархии в период ее пребывания в Никейской империи.

Однако, если Болгарская Церковь была защищена патриаршим статусом ее Тырновских первоиерархов, который был признан на всеправославном уровне на церковном соборе в Лампсаке в 1235 г.¹⁴, а Сербская Церковь могла опереться на сильную государственность в лице короля Стефана Уроша I Великого, то наиболее уязвимой в плане усиления влияния Константинопольских патриархов выглядела Русская Церковь. Прежде всего, в качестве основания для возобновления прежнего, домонгольского, модуса отношений между Константинопольской патриаршей и Русской митрополией кафедрами в столице Византии могли рассматривать характер государственно-церковных отношений на Руси, явно не соответствовавший той модели, под которую в Никейский период патриархи готовы были согласиться на предоставление церковной автономии.

Митр. Кирилл был поставлен в Никее на Русскую митрополию кафедру как ставленник Даниила Романовича Галицкого, бывшего на тот момент де факто сильнейшим на Руси князем. Однако в дальнейшем Кирилл переключился на союз с Александром Ярославичем Невским, который, как великий князь Владимирский и Киевский, с точки зрения монголов, де юре признавался старейшим среди русских князей¹⁵. Тем не менее, Александр Ярославич не контролировал значительную часть русских земель, прежде всего — на зависимом от литовцев западе и подвластном Даниилу Романовичу юго-западе Руси, где монголы так и не смогли установить в полной мере свою власть. Кроме того, статус Александра Невского как данника монголов не позволял рассматривать его как полноценного суверена Руси, способного обеспечить независимое бытие Русской Церкви как поместной. При этом, если сам Александр Ярославич еще обладал значительным авторитетом, благодаря своим военным победам и искусно выстроенным отношениям с монголами, то потенциальных его преемников на великом княжении Владимирском, способных сравниться с ним по политическому весу, явно не просматривалось. Также следует учитывать, что Александр Ярославич к 1261 г. уже мог быть тяжело болен, что вскоре стало достоянием гласности в период его пребывания в Орде, а уже в 1263 г. великий князь скончался¹⁶. Возможно,

¹² Рассмотрение данных мнений подробнее см.: *Галимов Т.Р.* Еще раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII — начало XIV вв.) // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2015. № 4 С. 138–158; *Мухин В.И.* Сарайская православная епархия и Золотая Орда: современный взгляд, евразийское преломление // Казанский вестник молодых ученых. 2022. Т. 6. С. 105–126.

¹³ *Никифор Григора.* История ромеев. Т. 1. СПб., 2013. С. 68–69.

¹⁴ *Турилов А.А.* Герман II, патриарх Константинопольский // ПЭ. Т. 11. М., 2006. С. 260–262.

¹⁵ Подробнее историю данного вопроса см.: *Петрушко В.И.* Проблема иерархического возглавления Русской Церкви... С. 1–20.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 524; Т. 25. С. 144–145.

митр. Кирилл как лицо, очень близкое к Александру Ярославичу, мог ранее других узнать о смертельном недуге великого князя.

Думается, что осмысление всех указанных обстоятельств могло подтолкнуть свт. Кирилла к тому, чтобы именно в 1261 г. основать епископскую кафедру в столице Улуса Джучи — городе Сарае. Фактически это была заявка на еще один союз с государственной властью — теперь уже не только русской великокняжеской, но и монгольской, — что могло выглядеть как более убедительное основание для пролонгирования ранее обретенного автономного статуса Русской Церкви и защиты от возможных притязаний Византии на возобновление положения Русских митрополитов, более зависимого от патриархов Константинопольских.

Кроме того, основание митр. Кириллом епископии в Сарае могло быть превентивной мерой, предпринятой с целью перехватить инициативу у патриарха Константинопольского и не допустить, чтобы он сам открыл подчиненную непосредственно ему епархию в столице Улуса Джучи. С открытием Сарайской епархии эта территория, по сути, была «застолблена» как каноническая территория Русской митрополии.

Если все обстояло именно так, то следует признать, что свт. Кирилл использовал исключительно удобный момент для того, чтобы открыть Сарайскую епископию без риска вступить при этом в открытый конфликт с Константинопольской патриархией. Ставший вторично патриархом в августе 1261 г. Арсений Авториан находился в крайне сложных отношениях с византийским имп. Михаилом VIII Палеологом¹⁷, которого в итоге отлучил от Церкви¹⁸. В подобных условиях заведомо исключались совместные действия патриарха и императора, способные повредить планам митр. Кирилла. Кроме того, осенью 1261 г. имп. Михаил VIII и монгольский ильхан Персии Хулагу подписали договор о дружбе и союзе, который хотя и носил секретный характер, вряд ли остался тайной для тогдашнего правителя Улуса Джучи Берке, находившегося во вражде с Хулагу, переросшей, как известно, в 1262 г. в войну между обоими чингизидами. Закономерным следствием этого стало то, что Берке в 1263–1265 гг. также вступил в острый военный конфликт с имп. Михаилом VIII Палеологом¹⁹.

Между тем, поставление второго Сарайского еп. Феогноста в 1269 г. состоялось в условиях, когда в Улусе Джучи полностью изменилась политическая конъюнктура. После кончины в 1266 г. Берке и начала правления Менгу-Тимура, не признававшего за Хубилаем достоинства великого хана, резко обозначилась тенденция к полному обособлению Улуса Джучи от Монгольской империи и созданию на его основе независимого Ордынского государства. Причем, официально его независимость была провозглашена именно в 1269 г.²⁰

На этом фоне обращают на себя внимание вопросы, которые в августе 1276 г. еп. Сарайский Феогност задал участникам проходившего в Константинополе церковного Собора во главе с патр. Иоанном Векком²¹. В числе вопросов литургического и церковно-канонического характера особо примечательны четыре вопроса, касающиеся пострижения епископа в схиму. Вероятно, это не случайно, так как известно,

¹⁷ См.: Барабанов Н. Д., Жаворонков П. И. Арсений Авториан, свт., патриарх Константинопольский // ПЭ. Т. 3. М., 2001. С. 424–425.

¹⁸ Никифор Григора. История ромеев. Т. 1. С. 74.

¹⁹ См.: Почакаев Р. Ю. Цари ордынские: биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2012. С. 50–55.

²⁰ См.: Там же. С. 62–63.

²¹ РИБ. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1908. № 12. Стб. 129–140 (славянский текст); Прил. № 1. Стб. 5–12 (греческий текст).

что Феогност стал епископом Сарайским после того, как первый владыка Митрофан в 1269 г. «оставив епископью и пострижеса въ схиму»²².

И хотя Феогност спрашивает византийских иерархов, «подобает ли епископу епископа постричь в схиму, или ни?», а также «умирающе святителю достоин ли Тело дать в руку, или ни?», и интересуется, «аще святитель умрет, [а] пострижется в схиму, како есть погresti его: святительски ли, или мнишки?»²³, тем не менее создается впечатление, что для самого Феогноста наибольшую важность представлял иной вопрос, спрятанный между прочими: «Аще который епископ в болести пострижется в схиму, а потом здрав будет, достоин ли ему епископом быть, или ни?» На это еп. Феогност получил ответ, который, вероятно, его полностью удовлетворил: «Не достоин, но быть ему, яко и всякий мних»²³.

Указанные вопросы еп. Феогноста Сарайского к патриарху и епископам Константинопольской Церкви дают основание предполагать, что еп. Митрофан после своего ухода на покой и пострижения в схиму пытался вернуться на Сарайскую кафедру, что ему, однако, не удалось.

Следует также отметить, что в тексте грамоты митр. Кирилла II, содержащей деяния церковного Собора, состоявшегося в 1273 г. во Владимире-на-Клязьме²⁴, участвовавший в нем Сарайский еп. Феогност поименован епископом Переяславским. Одновременно еп. Симеон, перебравшийся к тому времени в Тверь, назван в соборной грамоте епископом Полоцким. В то же время, в вышеупомянутых ответах иерархов Константинопольской Церкви на вопросы еп. Феогноста в 1276 г. архиерей снова именуется Сарайским, а не Переяславским. На данное обстоятельство обратила внимание в своей статье М. В. Корогодина²⁵, которая, однако, не дала ему внятного объяснения, отметив лишь, что «митрополит Кирилл предполагал, что Феогност возглавит две епархии». При этом исследовательница вполне справедливо заметила, что «после епископа Феогноста кафедра в Переяславле Русском окончательно исчезла», хотя «и при его жизни епископия носила титулярный характер». Однако М. Корогодина объясняет это тем, что «вся деятельность архиерея была связана со второй кафедрой — Сараями».

Между тем, номинальный характер поставления еп. Феогноста на Переяславскую кафедру следует связать, прежде всего, не с его постоянным пребыванием в Сараях, а с тем фактом, что самого города Переяславля Русского (Переяславля или Южного) как такового к тому времени уже не существовало — он был полностью уничтожен в 1239 г. во время монгольского нашествия, а территория бывшего Переяславского княжества вошла в состав Сарайской тьмы Улуса Джучи и управлялась монгольской администрацией²⁶.

В связи с изложенным можно предложить следующую гипотетическую реконструкцию событий, приведших к поставлению еп. Феогноста на Сарайскую кафедру.

После того, как в 1266 г. к власти в Улусе Джучи приходит Менгу-Тимур, и Ордынское государство начинает обособляться от Монгольской империи, политика Сарайского правителя на византийском направлении существенно изменяется. Менгу-Тимур отказывается от жесткой конфронтации с Константинополем, хотя набеги монголов на Византию еще периодически происходят. Тем не менее, Менгу-Тимур завязывает с Константинополем довольно тесные дипломатические контакты. В известной

²² ПСРЛ. Т. 25. С. 148.

²³ РИБ. Т. 6. Ч. 1. № 12. Стб. 129–140.

²⁴ Текст опубликован: РИБ. Т. 6. Ч. 1. № 6. Стб. 83–102.

²⁵ Корогодина М. Митрополит Кирилл II и архиерейские кафедры Киевской митрополии // *Ruthenica*. 2020. Т. XVI. С. 30–43.

²⁶ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. С. 38.

степени это может быть связано с ростом генуэзской активности как в Византии, так и в завоеванном монголами Крыму. Так, в 1266 г., едва получив власть в Улусе Джучи, Менгу-Тимур предоставляет генуэзцам ярлык на основание своей колонии в крымской Кафе²⁷. Почти одновременно, в 1267 г., имп. Михаил VIII передает генуэзцам константинопольскую Галату²⁸. Показателем больших перемен в византийской политике Орды стал, в том числе, и заключенный около 1273 г. брак чрезвычайно усилившегося при Менгу-Тимуре беклярибека Ногая, чей улус располагался в междуречье Днестра и Дуная, с дочерью византийского имп. Михаила VIII Палеолога Ефросинией²⁹.

В новых условиях Менгу-Тимуру был нужен переговорщик, способный осуществлять в отношении Византии челночную дипломатию, но при этом неформальный, официально не связанный с Сарайским двором и не вовлеченный в сложные отношения между разными ветвями Чингизидов и кланами ордынской знати. Первый Ордынский хан, очевидно, пришел к мысли, что на эту роль наиболее подходит православный Сарайский епископ. Однако поставленный на Сарайскую кафедру еп. Митрофан не только не имел никаких контактов с Константинопольской патриархией (по крайней мере, ни один источник о таковых не упоминает), но, напротив, как уже было отмечено выше, был призван оградить территорию Улуса Джучи от византийского церковного влияния.

Вероятно, именно по этой причине, как только Орда стала независимой в 1269 г., по воле хана Менгу-Тимура еп. Митрофан был заменен на Сарайской кафедре Феогностом³⁰, который, судя по его дальнейшей деятельности в Византии, по меньшей мере, знал греческий язык, возможно, имел тесные связи с Константинопольской патриархией или же и вовсе был уроженцем Византии. Скорее всего, на отставке Митрофана настоял именно Менгу-Тимур. Митр. Кирилл воспротивиться решению всеильного Ордынского хана, безусловно, был не в состоянии, хотя это и противоречило проводимому им курсу на автономизацию внутренней жизни Русской Церкви и ослабление ее зависимости от Константинопольских патриархов.

Сменивший еп. Митрофана Феогност, как того и хотел от него Менгу-Тимур, развил в интересах правителя Орды энергичную дипломатическую деятельность. Из летописных источников известно, что новый Сарайский архиерей как минимум трижды предпринимал поездки в Константинополь³¹. При этом, сообщая о поездках Сарайского владыки в Византию, летописцы всякий раз подчеркивали, что они предпринимались не только по благословию митр. Кирилла, но и по поручению «царя Менгутамера», от которого архиерей привозил в Константинополь грамоты³².

Можно думать, что в связи с такой активизацией ордынско-византийских отношений, опосредованных через дипломатическую деятельность Сарайского епископа, влияние Константинопольского патриарха на Русскую Церковь существенно возросло. Ослабить его, опираясь на поддержку великого князя Владимирского, митр. Кирилл не мог, тем более, что после кончины Александра Невского его братья и преемники на великом княжении — Ярослав Ярославич Тверской (1263–1271 г.) и Василий Ярославич Костромской (1272–1276 г.) уже не обладали ни политическим весом, ни объемом

²⁷ См.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 89; *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские... С. 61.

²⁸ *Иванов С. А.* В поисках Константинополя. М., 2011. С. 566.

²⁹ См.: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские... С. 76.

³⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 148.

³¹ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 157. А. Н. Насонов считал, что поездки епископа Феогноста в Византию состоялись около 1273 г., в 1276 и 1278–1279 гг. (*Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М., 1940. С. 46–47).

³² ПСРЛ. Т. 10. С. 157; Т. 18. С. 77; Т. 25. С. 152; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 336–337.

властных полномочий по отношению к другим русским князьям, ни авторитетом в Орде, сопоставимыми с теми, которые имел Александр Ярославич. В то же время, хан Менгу-Тимур, желавший упрочения связей с Византией, напротив, не был заинтересован в росте самостоятельности Русской Церкви.

Вероятно, именно следствием возросшего влияния Константинопольской патриархии, стремившейся лишить Русскую Церковь ее полунезависимого статуса, обретенного с поставлением свт. Кирилла II, следует объяснить изменение титуляции Сарайского архиеерея. Отказываясь признавать автономию Русской митрополии, в Константинополе могли поставить на вид митр. Кириллу, что он не имел права самостоятельно учреждать новые кафедры без благословения патриарха. С учетом позиции Менгу-Тимура возражать на это Русскому митрополиту было крайне затруднительно. И тогда он, скорее всего, попытался представить создание епископий в Сараях и Твери не как их учреждение де ново, а как перенос в эти города резиденций епископов Переяславского и Полоцкого соответственно. Вхождение территории бывшего Переяславского княжества непосредственно в состав Орды, а тем более — Сарайского тумена, давало митрополиту основание объявить Сарай вторым кафедральным городом Переяславской епархии, основанной еще в XI в. Одновременно Тверь могла рассматриваться как вторая кафедра Полоцких архиеереев. Такая постановка вопроса позволяла, с одной стороны, легитимировать в глазах Константинополя пребывание еп. Феогноста в Сараях, а еп. Симеона — в Твери, а с другой — не отказаться от прежде реализованного намерения создать в этих городах новые церковные центры.

С учетом того, что в деяниях Владимирского собора 1273 г. еп. Феогност именуется Переяславским, а еп. Симеон — Полоцким, можно предположить, что возврат к этим титулам мог произойти в период между 1269 и 1273 г. В связи с ранее высказанным мнением, что в Твери собственный епископ появился не ранее 1272 г., надо полагать, что он изначально именовался Полоцким, хотя и имел уже местопребывание в Твери.

Между тем, очевидно, что свт. Кирилл нашел способ парировать устремления Константинополя нивелировать возросшую автономию Русской Церкви. Об этом красноречивее всего может свидетельствовать формат проведения Владимирского Собора 1273 г. М. В. Корогодина совершенно резонно отмечает, что «церковный собор во Владимире в 1273 г. был единственным в Киевской митрополии, постановления которого были записаны в виде актов, с формуляром, близким к актам Константинопольских соборов», а «стремление подготовить акты так, чтобы они ни у кого не вызывали сомнений, проявилось как в обосновании каждого соборного решения правилами Вселенских и поместных соборов, так в *Intitulatio* — перечне архиеереев, принимавших участие в соборе»³³. Хорошую структурированность и продуманность постановлений Владимирского Собора также отмечают М. В. Печников³⁴ и П. И. Гайденко³⁵. К этому можно также добавить, что на Владимирском Соборе Сербская кормчая, легшая в основу Кормчей Русской редакции, была впервые принята в качестве основного церковноправового документа Русской Церкви³⁶. Следует полностью согласиться с мнением П. И. Гайденко о том, что на Владимирском Соборе митр. Кириллом были приняты меры к тому, чтобы «отстоять право русской церкви на более широкую

³³ Корогодина М. Митрополит Кирилл II и архиеерейские кафедры Киевской митрополии. С. 30–43.

³⁴ Печников М. В. К изучению соборных правил 1273 г. С. 97–107.

³⁵ Гайденко П. И. Собор 1273 (4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 229–239.

³⁶ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. М., 1978. С. 163–185.

автономии в границах греческого православия», и частью этой стратегии наряду с принятием четко кодифицированных соборных правил также было намерение митрополита Киевского обеспечить себе преемника на митрополии в лице поставленного на Владимирскую кафедру еп. Серапиона³⁷.

В то же время, несмотря на то, что сам формат проведения Владимирского Собора 1273 г. и его деяния были призваны свидетельствовать, что Русская Церковь сохраняет свой автономный статус, обретенный в Никейский период, в соборных решениях нет ни слова осуждения в адрес Константинопольской Церкви, хотя в это время там уже полным ходом шла подготовка к заключению Лионской унии с Римско-католической Церковью, о чем на Руси не могли не знать³⁸. Более того, несмотря на то, что в начале 1275 г. Лионская уния была официально провозглашена в Константинополе, и патриархом стал униат Иоанн XI Векк³⁹, в Русской Церкви как будто не заметили этого факта и никак не осудили его, а еп. Сарайский Феогност уже после этих событий приезжал в столицу Византии как представитель митр. Кирилла и Ордынского хана Менгу-Тимура и участвовал в Соборе Константинопольской Церкви, проходившем под председательством патр. Иоанна XI.

Представляется, что подобная параллельная демонстрация лояльности по отношению к патриарху-униату одновременно с проведением церковного Собора во Владимире в формате, максимально приближенном к автокефальному, и стала тем эффективным инструментарием, посредством которого митр. Кириллу II удавалось сохранять обретенный в Никее автономный status quo Русской Церкви, по крайней мере, до своей кончины.

Источники и литература

Источники

1. Наставление Тверского епископа Семена // Памятники литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 394–395.
2. *Никифор Григора*. История ромеев. Т. 1. СПб., 2013.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
4. *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950.
5. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
6. ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись. СПб., 1885.
7. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.
8. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
9. Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.
10. Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi*. Krolewicz, 1582.

³⁷ *Гайдено П. И.* Собор 1273 (4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси... С. 229–239. То, что, Владимирский «собор вполне мог иметь политическую подоплеку», как считает М. В. Печников (*Печников М. В.* К изучению соборных правил 1273 г. С. 97–107), никоим образом не противоречит тому, что при его проведении митр. Кириллом II одновременно также могла быть реализована и задача отстаивания существующего статуса Русской Церкви в условиях попыток его редукции со стороны Константинополя.

³⁸ *Заболотный Е. А.* Лионская уния // ПЭ. Т. 41. М., 2016. С. 74–78.

³⁹ *Бармин А. В., Буганов Р. Б.* Иоанн XI Векк, патриарх Константинопольский // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 489–492.

Литература

11. Барабанов Н. Д., Жаворонков П. И. Арсений Авториан, свт., патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 424–425.
12. Бармин А. В., Буганов Р. Б. Иоанн XI Векк, патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 489–492.
13. Гайденко П. И. Собор 1273 (4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 229–239.
14. Галимов Т. Р. Еще раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV вв.) // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2015. № 4. С. 138–158.
15. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010.
16. Заболотный Е. А. Лионская уния // Православная энциклопедия. Т. 41. М., 2016. С. 74–78.
17. Корогодина М. Митрополит Кирилл II и архиерейские кафедры Киевской митрополии // Ruthenica. 2020. Т. XVI. С. 30–43.
18. Конявская Е. Л. Первые Тверские епископы и первые тверские монастыри // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023 № 1 (91). С. 68–73.
19. Мухин В. И. Сарайская православная епархия и Золотая Орда: современный взгляд, евразийское преломление // Казанский вестник молодых ученых. 2022. Т. 6. С. 105–126.
20. Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940.
21. Петрушко В. И. Проблема иерархического возглавления Русской Церкви в контексте межкняжеских отношений после монгольского завоевания Руси // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 1–20.
22. Печников М. В. К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 97–107.
23. Почкаев Р. Ю. Цари ордынские: биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2012.
24. Турилов А. А. Герман II, патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 260–262.
25. Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. М., 1978.

Sources and References

Sources

1. Nastavlenie Tverskogo episkopa Semena [Edification of Tver Bishop Semyon]. *Pamyatniki literaturny Drevnej Rusi [Monuments of the literature of Ancient Rus’]*, vol. 5. St. Petersburg, 1997, p. 394–395. (In Old-Russian and Russian)
2. Nikifor Grigora. *Istoriya romeev [History of the Romans]*, vol. 1. St. Petersburg, 2013. (In Russian)
3. *Novgorodskaya pervaya letopis’ starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the older and younger editions]*. Moscow, Leningrad, 1950. (In Old-Russian)
4. Priselkov M. D. *Troickaya letopis’ [Trinity Chronicle]*. Moscow, Leningrad, 1950. (In Old-Russian)

5. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 1: The Lavrentian Chronicle. Moscow, 2001. (In Old-Russian)
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 10: Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. St Petersburg, 1885 (In Old-Russian)
7. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 18: Simeon Chronicle. Moscow, 2007 (In Old-Russian)
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 25: Moscow Chronicle Collection of the Late 15th Century. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1949. (In Old-Russian)
9. *Russkaja istoricheskaja biblioteka, izdavaemaja Arheograficheskoi komissiej* [Russian Historical Library, published by the Archaeological Commission], vol. 6: Monuments of ancient Russian canonical law, part 1. St Petersburg, 1908. (In Old-Russian and Greek)
10. Strykowski M. *Kronika polska litewska, żmódzka y wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej* [Polish Chronicle of Lithuania, Żmódzkie and all Rus' Kiev, Moscow, Siewierskie, Wołyńska, Podolskie, Podgorskie, Podlaskie]. Królewiec, 1582. (In Polish)

References

11. Barabanov N. D., Zhavoronkov P. I. Arseny Authorian, St., Patriarch of Constantinople. *Orthodox Encyclopedia*, vol. 3. Moscow, 2001, p. 424–425 (In Russian)
12. Barmin A. V., Buganov R. B. John XI Vekkos, Patriarch of Constantinople. *Orthodox Encyclopedia*, vol. 23. Moscow, 2010, p. 489–492 (In Russian).
13. Gajdenko P. I. Sobor 1273 (4) goda v svete cerkovno-politicheskoi situacii na Rusi: neskol'ko zamechanij o nesostoyavshejsya kanonicheskoi reforme mitropolita Kirilla [Council of 1273 (4) in the light of the church-political situation in Rus': a few comments about the failed canonical reform of Metropolitan Kirill]. *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2014, vol. 15, issue 4, p. 229–239 (In Russian)
14. Galimov T. R. Eshche raz k voprosu o hristianskoj missii sarajskoj episkopii (13 – nachalo 14 vv.) [Once again to the question of the Christian mission of the Sarai bishopric (13 – early 14 centuries)]. *Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah = Ancient Rus': in time, in personalities, in ideas*, almanac, no. 4. St. Petersburg, 2015, p. 138–158 (In Russian)
15. Egorov V. L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy v 13–14 vv.* [Historical geography of the Golden Horde in the 13–14 centuries]. Moscow, 2010. (In Russian)
16. Zabolotnyj E. A. Union of Lyons. *Orthodox Encyclopedia*, vol. 41. Moscow, 2016, p. 74–78. (In Russian)
17. Korogodina M. Mitropolit Kirill II i arhieriejskie kafedry Kievskoj mitropolii [Metropolitan Kirill II and the episcopal departments of the Kyiv Metropolis]. *Ruthenica XVI*, 2020, p. 30–43. (In Russian)
18. Konyavskaya E. L. Pervye Tverskie episkopy i pervye tverskie monastyri [The first Tver bishops and the first Tver monasteries]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia. The questions of Middle Ages]*, 2023, № 1 (91), p. 68–73. (In Russian)
19. Muhin V. I. Sarajskaya pravoslavnyaya eparhiya i Zolotaya Orda: sovremennyj vzglyad, evrazijskoe prelomlenie [Sarai Orthodox Diocese and the Golden Horde: modern view, Eurasian refraction]. *Kazanskij vestnik molodyh uchenyh [Kazan Bulletin of Young Scientists]*, 2022, vol. 6, p. 105–126 (In Russian)
20. Nasonov A. N. *Mongoly i Rus' [Mongols and Rus']*. Moscow, 1940. (In Russian)
21. Petrushko V. I. The Problem of Hierarchical Leadership of the Russian Church in the Context of Inter-Princely Relations after the Mongol Conquest of Rus'. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*, 2024, no. 2, p. 215–234. (In Russian)

22. Pechnikov M. V. К изучению соборных правил 1273 г. [To the study of the rules of Council of 1273]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia. The questions of Middle Ages]*, 2009, no. 4 (38), p. 97–107 (In Russian)
23. Pochekaev R. Yu. *Cari ordynskie: biografii hanov i pravitelej Zolotoj Ordy [Kings of the Horde: biographies of khans and rulers of the Golden Horde]*. St. Petersburg, 2012. (In Russian)
24. Turilov A. A. Herman II, Patriarch of Constantinople. *Orthodox Encyclopedia*, vol. 11. Moscow, 2006, p. 260–262. (In Russian)
25. Shchapov Ya. N. *Vizantijskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v 11–13 v. [Byzantine and South Slavic legal heritage in Rus' in the 11th–13th centuries]*. Moscow, 1978. (In Russian)